

ГНОСТИЧЕСКИЙ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ (МАТЕРИАЛ КУРСА ЛЕКЦИЙ)

А.В.Моторин

GNOSTIC ANDREI PLATONOV (LECTURE COURSE MATERIAL)

A.V.Motorin

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, amotorin@yandex.ru

В учебном курсе лекций рассматриваются гностические истоки художественного мирозерцания Андрея Платонова. Жизнь, судьба человека, любовь, революция рассматриваются писателем под знаком магически понимаемой смерти, открывающей путь к вечному, но безликому божественному бытию.

Ключевые слова: *русская словесность, гностицизм, магия, революция, любовь, Андрей Платонов*

Gnostic origins of the artistic world of Andrei Platonov are discussed in this paper. Life, the destiny of man, love, revolution are considered by the writer under the sign of magically understanding death, opening the way to eternal but impersonal divine being.

Keywords: *Russian literature, Gnosticism, magic, revolution, love, Andrei Platonov*

На письменном столе у Андрея Платонова «стоял чугунного литья черный черт» [1], который «в тени настольной лампы не без изумления смотрел, как оживают под платоновским пером, а чаще карандашом белые листы бумаги» [2]. Можно полагать, что образ лукавого был источником вдохновения, хотя сам писатель об этом не распространялся. Он вообще не любил рассуждать об источниках своего мировидения. Однако сами источники вполне очевидны в потоках его художественной речи. Так, от начала и до конца творчества у него прослеживается магическое противление Богу, желание объединенным всечеловеческим усилием занять Его место в мироздании, то есть стать всем и навсегда. Это по сути вавилонское столпотворительное стремление на небо — на место Бога — звучит, например, в словах Платонова, переданных его другом: «Как-то, говоря об атеизме, я заметил, что все его герои кажутся мне атеистами, на что Платонов ответил не без усмешки: “Бог сделал с человеком все, что мог. Теперь ему остается ждать, куда нелегкая занесет человека — на небо или в преисподнюю. Ежели по Джинсу (английскому астрологу — А.М.), так в преисподнюю. Да и что можно ждать от микроба в плесени загнивающего огурца. А мне сдается, на небо”» [2, с. 29]. Ирония в этих словах, как и всегда у Платонова, романтическая — утверждающая истину вопреки устоявшимся мнениям. Впрочем, в стихотворном лирическом исповедании он изначально поет о том же без иронии:

Мы пройдем тебя до края,
Небо, тайна голубая.
Мы любовь, мы — мысль вселенной,
Звезд зовущих странник пленный. (1920)
(1, 462) [3].

Богоборческая гордость познания при магическом противлении христианству неизбежно связывается с почитанием сатаны как «истинного» боготворца и главного противника «ложного» библейского Бога («сатана» в переводе с древнееврейского и есть «противник»). Так делали, в частности, некото-

рые гностические (от греческого «гносис» — «знание») ереси первых веков по Рождестве Христовом, например, офиты (змеепоклонники, от с греческого «офис» — «змея»). Гностицизм был едва ли не повальным духовным увлечением в культуре Серебряного века. Его мощное влияние испытал и Платонов. Исследователи отмечают в качестве источников философию и поэзию Владимира Соловьева, поэзию Блока, откуда Платонов впитывал образы гностической Вечной Женственности (см.: 1, 627). Собственно, В.С.Соловьев был главным поставщиком сведений о гностицизме для того времени [4]. Значима была также первая книга о гностике, написанная Юлией Николаевной Данзас и напечатанная под псевдонимом: Николаев Ю. В поисках за божеством. Очерки из истории гностицизма (СПб., 1913).

Всё разнообразие гностических учений (как оно предстает в сохранившихся отрывках) объединялось верой в божественную природу избранных человеческих душ, «пневматиков», наделенных искрой божественного духа и способных с помощью врожденной и благоприобретенной мудрости («софии», по-гречески), тайного знания и сокровенного познания, вернуться — через смерть — в божественную плерому (полноту) — в ее наиболее близкую к земному материальному миру область (эон) — Софию. Вот эта София, согласно гностическим представлениям, и явилась Адаму и Еве в раю в виде змия, научившего их познанию божественных тайн — вкушению запретного плода с древа познания. Души избранных людей при этом мыслились как отпавшие от Софии частицы истины, искры ее света. Гностики верили обещанию, данному змием-Софией (библейским сатаной) первым людям: «Будете как боги, знающие добро и зло (Быт. 3:5). Так, в понимании гностиков, София воспротивилась библейскому Богу — ограниченному неумелому творцу материального мира и телесно воплощенным людям, который был рожден (наряду с человеческими душами) из той же самой Софии и назван Демиургом.

Таким образом, истинно духовные люди, согласно гностическим представлениям, в своей плотной части оказываются порождением Софии, то есть библейского змия-сатаны. В свете этих представлений проясняется странное, на первый взгляд, рассуждение Платонова о происхождении людей из дьявола: «Они (люди) думали, что они из дьявола сделаны, а узнав, были довольны, что из дьявола» (записная книжка 1938 года) [5]. Такое «знание» дает гностика. Вот и стал дьявол как источник премудрости настольным символом у писателя.

Сходное воздействие гностической духовности, растворенной в воздухе эпохи, испытывал, например, Горький, который признался своему близкому знакомому И.Д.Сургучёву, что когда в отрочестве работал в иконописной мастерской, получил прозвище «дьяволенок», потому что подбивал мастеров пририсовывать «рожки» святым [6]. Перед неизбежным увольнением он получил от одного из «товарищей» на выбор две «иконки»: «На одной был написан мой ангел Алексей — Божий Человек, а на другой — дьявол румяный и с рожками. “Вот выбирай, что по душе”. Я выбрал дьявола, из озорства. — “Ну вот я так и мыслил, — ответил богомаз, — что ты возлюбишь дьявола. Ты из дьявольской материи создан. И мамаша твоя не иначе, как путешествует на Лысую Гору.<...> Ну вот и молись своему образу: он тебя вывезет”, но, прибавил богомаз, “жди конца”» [6]. «Богомаз» в пересказе Горького в сущности мыслит гностическими понятиями под видом выражения православной точки зрения. Сургучёв свидетельствует, что Горький в течение многих лет бережно хранил этот образ лукавого.

Согласно гностикам, души благодаря искрам божественной мудрости в них осознают свою оторванность от полноты родного духовного бытия и стремятся вернуться обратно, то есть погибнуть в своей нынешней земной отдельности. Эти гностические представления заметны в сказке Платонова «Вера, Знание и Сомнение», набросанной в записной книжке. Вера в этой сказке — светоносная божественная София-Премудрость, ибо по корневому смыслу славянского (и шире — общего индоевропейского) слова «вера» — это истина, непосредственное соединение с истиной. Платонов, явно обыгрывает здесь название известного гностического сочинения «Пистис София» («Вера Мудрость», в буквальном переводе с греческого) (II век). От премудрой Веры у Платонова происходят души-искры людей и прочих живых тварей: «Тысячу лет тому назад жила на свете царица Вера, вечная невеста Бога. И пламенем любви и силы своей она светила над людьми и давала им радость в жизни. Искры огня ее были душами всех людей и давали им радость в жизни. Искры огня ее были душами всех живых тварей на земле, и счастье никогда не уходило со света, никогда во все время, как жила Царица Вера — пламенная Невеста Небесного Жениха» (6, 215). Здесь гностически осмысливается известная и христианам четверица имен-понятий: Вера, Надежда, Любовь и мать их София.

Таинственные силы влекут каждого к необратимому растворяющему слиянию: плоть растворяется

в материальной вселенной, душа — в божественном духе. Большинство подчиняется такому влечению невольно, но избранные стремятся сознательно, совершая скрытое или явное самоубийство. Так в романе «Чевенгур» (1926—1928) Александр Дванов топится в том самом озере, где ранее утопился его отец. Старший Дванов утопился из любопытства — в надежде при случае вернуться, но, конечно, не вернулся. И с каждым человеком это повторяется независимо от вида его смерти, самочинно-произвольной или случайно-неожиданной: «<...> отец Дванова навсегда скрылся в глубине озера Мутево, желая раньше времени увидеть будущее утро. Теперь начинался иной вечер — быть может, уже был прожит тот день, утро которого хотел видеть рыбак Дванов, и сын его снова переживал вечер» (3, 318). Название озера Мутево указывает на мутную непостижимую стихию всепоглощающей смертоносной жизни.

Коммунизм в мире Платонова — это высочайший предсмертный взлет человеческой культуры в единении со вселенной (вроде древней Атлантиды), а далее — неизбежная гибель: «Чепурного же, наоборот, коммунизм мучил, как мучила отца Дванова тайна посмертной жизни, и Чепурный не вытерпел тайны времени и прекратил долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре, — так же, как рыбак Дванов не вытерпел своей жизни и превратил ее в смерть, чтобы заранее испытать красоту того света» (3, 318). В итоге романа коммунистический рай на земле закономерно гибнет, и созвучие этой гибели с потоплением мифической Атлантиды подчеркнуто заключающим роман самоубийством младшего Дванова, который топится в том же озере из желания вслед за отцом раствориться во всеобъемлющем мироздании: «Дванов подьехал к урезу воды. Он в ней купался и из нее кормился в ранней жизни, она некогда успокоила его отца в своей глубине <...>. И там есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына. Дванов <...> сам сошел с седла в воду — в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти» («Чевенгур») (3, 408).

Сам Платонов в расцвете сил по сути совершает скрытое самоубийство, ухаживая за умирающим в скоротечном туберкулезе сыном: неизбежно заражается и гибнет. Конечно, в первую очередь, это подвиг самопожертвования, как и описанные в его рассказах, очерках подвиги русских воинов во время Великой Отечественной войны, но во вторую очередь, а по логике Платонова, в сокровенной сути — это самоубийство как способ сознательного растворения во всеобщей безликой жизни.

Приступы самоубийственного настроения приключались у него с юности. Однажды в середине 1920-х, в очередную трудную полосу жизни он пытался покончить с собой по причине крушения его землеустроительных замыслов (работал тогда инженером-мелиоратором) (см.: 1, 514). Новое желание самоубийства вызывают трудности обустройства в

Москве в 1926—1927 годах. Тогда он записывает признание: «Несколько предупреждений о выселении с милицией на улицу. Безработица. Голод. Продажа вещей. Травля. <...> Единственный выход: смерть и устранение себя» [7].

От чарующей смертоносной тоски в мире Платонова не избавлены даже дети, более того, они ближе к смерти и чаще взрослых умирают.

Дети — сладкое бессилие,
Сказка радостная смерти.
(«Дети», 1920) (1, 464).

Так «заскучал и самостоятельно умер ребенок»: «<...> одиннадцатилетний сын Арабова застрелился из оружия соседа по квартире и оставил записку, как большой человек» («Счастливая Москва», 1933—1936...) (4, 105). В «Котловане» Вошев объясняет девочке Насте безнадежность жизни: «Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, — затоскуешь!» (3, 516). Настя не согласилась, но в итоге словно бы послушалась и зачахла.

А те из детей, которые пока не умирают, проникаются внушаемым новой властью смертоносным насилием над бытием, что звучит, например, в песенке пионеров:

По Лубянке к Театралке
Мчится громко ахтобус.
Нам людей давить не жалко,
По уставу незнакома
Пионеру грусть.
(«Эфирный тракт», 1926—1927) (2, 69).

Образ нового поколения обобщенно явлен в стихотворении «Сказка» (1921):

Мальчик вырос в атамана,
Сжег деревню, мать-отца
И ушел на лодках рано
У земли искать конца. (1, 475).

Конец земли в понимании Платонова не географически-пространственный, а магически-губительный: это конец Света.

Платонов откровеннее других одаренных писателей революционной эпохи воспел самую сущность духа революции: разрушение не только старого общественного устройства, но и старого мира вообще, всей вселенной. И откровеннее других Платонов указал цель разрушения — не созидание нового преходящего земного счастья, а счастье полное, окончательное, то есть смерть как магический способ восстановления своей утраченной в земном частном бытии божественности. В лирических стихах он разнообразно выражает движение к этой цели и предполагаемые особенности движения, например, так:

Конца мы ищем бесконечного,
Мы знаем — есть у бездны дно.
Но одолеем зверя вечного,
Когда с ним станем заодно.
(«Тиха дорога, неизвестна...», 1920—1921) (1, 465).

Или так:
Мы безумную вселенную
Бросим в топку раскаленную,

Солнце древнее, бесценное

Позабудется, сожженное.

(«Дети», 1920) (1, 464).

Или же вот так:

Душа убита, и жизни нету,
Весь мир в железе надет на штык.
Мы рубим корни у всего света,
Победа наша — смертельный крик.
(«Напор», 1920) (1, 453).

Долгие годы при советской власти мировосприятие Платонова сходило ему с рук: его временами не печатали, но жить и работать позволяли. Объяснить это можно глубинным духовным родством сознания писателя и очень влиятельного слоя руководителей партии большевиков, которые были причастны гностике в масонском изводе. В их числе были и Троцкий, и даже, по некоторым свидетельствам, Ленин. Просто Платонов откровенно и честно выражал глубинную гностическую суть масонского магизма, да и магизма вообще. Неприязнь к Платонову со стороны Сталина так же объяснима: со второй половины 1920-х годов новый вождь народа стал с нарастающим усилием бороться против магического подполья в партии.

Особое место в творческой судьбе Платонова занимает рассказ «Впрок» (1931), чудом проскочивший цензуру и напечатанный при смене руководства в журнале «Красная новь» в 1931 году. Внешне рассказ посвящен трудностям, «перегибам» (2, 298) и возможностям социалистической коллективизации деревни, но в подтексте Платонов пишет на излюбленную тему бессмысленности и обреченности человеческих деяний. Вождь народа и руководитель коллективизации Сталин, в рассказе упоминаемый, по своему оценил силу платоновского слова, покрыв изданный журнальный текст гневными замечками, в числе которых были и краткие: «Дурак», «Пошляк», «Мерзавец», «Болван», «Подлец» (см.: 2, 542). Очевидно, Сталин уловил сокровенную гностическую суть рассказа, приоткрытую в заглавии: люди пытаются жить и действовать разумно, чтобы содеянное было впрок для будущей счастливой жизни, а в действительности все оказывается безумно, не впрок и к несчастью (в платоновской логике — к подлинному счастью и по-настоящему впрок, ибо приближает смерть).

Суть душевной жизни — любовь. В мире Платонова любовь — жизненная сила, стремящая все души к духовному воссоединению через смерть, поэтому смерть благодатна, привлекательна, неотразима как и сама любовь. Весь материальный мир пронизан этой смертоносной для частных существ любовью, которая оборачивается торжеством всеобщей жизни: «Весенняя природа волновалась страстью размножения и жаждала забвения жизни в любви» («Эфирный тракт», 1926—1927) (2, 92).

Так, инженер Прушевский в «Котловане», чтобы покончить с жизнью, ищет проверенное средство — любовь: «<...> Прушевский сел за составление проекта своей смерти, чтобы скорее и надежней обеспечить ее себе. <...> На завтра ему осталось составить лишь объяснительную записку к проекту, а

затем найти достаточно прелестную женщину для однократной любви с ней; после удовлетворения любви к Прушевскому всегда приходило нормальное желание скончаться, и такой же точный расчет он сделал и теперь» (3, 463).

В гностическом понимании любовь есть сила души и тела в их земном двуединстве, и она действует двояко: с одной стороны, она устремляет высшую духовную, умную часть человеческой души к слиянию с горней божественной Софией-Премудростью и таким образом исторгает душу из тела. В тайных наставлениях к масонским обрядникам конца XVIII — начала XIX в. это описывается как «священный брак с премудростью, с небесною девою Софиею» [8]. С другой стороны, любовь устремляет низшую, чувственную часть души к еще большему погружению в материю — до полного исчезновения в косной плоти мира сего, до полной «энтропии» (Платонов пользовался этим термином). Тот и другой путь любви как путь к самоуничтожению ради возврата к божественности, использовался гностиками. Среди них были общины, считавшие нисхождение в материю, возврат и пороки наиболее действенным способом возвращения к божественности через смерть: погружаясь в злодеяния, легче всего уничтожить, истощить брэнную плоть, отягощающую душу. В ранние века по Рождестве Христовом к таким гностикам относились, например, каиниты, считавшие своими прародителем и учителем первого убийцу на земле и первого борца против библейского Бога — Каина. Проявлением этого направления гностицизма стали современные сатанисты.

Известный и даже упоминаемый в евангельских «Деяниях апостолов» гностик Симон-маг, по преданию, странствовал в сопровождении бывшей блудницы Елены, которую считал воплощением божественной Софии. Продажная, вообще развратная любовь в некоторых течениях гностики ценилась выше всего, и Платонов рассуждает вполне в таком духе: «Тайна проституции: единение тела предполагает единство душ, но в пр<оститу>ции настолько нет единения душ, настолько это явно и страшно, что нет любви, что от удивления, от гибели, от страха — “единение душ” начинает происходить. Т<аким> о<бразом>, все, что доводится до ужаса, преодолевает ужас “со dna”, и любовь происходит, гибель ликвидируется. Проституция м.б. прочней любви и культуры» (записная книжка 1931—1932 годов) [5, с. 93-94].

Особое внимание при постижении любви Платонов уделяет женскому началу бытия, и в этом он следует древней философской традиции, платонической и гностической, рассматривающей женственность как проявление порождающей всё стихии (у платоников — материи), неопределенно-текучей, требующей для зачатия новой жизни воздействия мужского начала, умного, идеального, определяющего стихийную неопределенность. Гностики источником женского начала видели божественную Софию, правда, эта София, в отличие от платонического понимания женственности, по существу духовна и лишь в низшем своем проявлении-излиянии срастается с

материей. В мировой словесности, в том числе и в русской с XVIII века, влияние гностицизма сказывалось, в частности, в образах женщин, именуемых Софьями. Встречается это имя и у Платонова. В «Чевенгуре» Соня, Софья Александровна, имея «жалкое тело» (3, 100), неотразимо привлекательна, и природа этой женской привлекательности объясняется действием софийного начала бытия. Сущность этого начала предстает словно бы случайно в величественном образе, запечатленном латинскими стихами на старинной колонне главного дома усадьбы (колонны были «в живой форме точных женских ног»):

Вселенная — бегущая женщина:

Ноги ее вращают землю,

Тело трепещет в эфире,

А в глазах начинаются звезды.

(«Чевенгур») (3, 141).

Софийные женщины манят к себе всех, в них «излишнее дарование жизни» (3, 360). Софья Александровна в «Чевенгуре» признается: «...Я больше всего люблю ожидать людей, я ожидаю почти всегда ...» (3, 360). Сверхчеловеческую, природную сущность своей любви она по-своему чувствует и объясняет: «Любила, но не рожала, — отвечала Софья Александровна. — Людей хватает без моих детей ... Если бы из меня мог вырасти цветок, его б я родила» (3, 361).

Любящие подобных женщин, любят все мироздание: «Кто живет заодно с природой, тому земля говорит про себя и снимает для него свою одежду — время. Надо родиться с большой любовью в сердце ко всему. Любящий же человек — сын каждой женщины, каждой травинки и гость на всякой дороге. Как же любящий может не знать и не видеть, когда сердце есть самый большой и ясный глаз» («Реввоенсовет Земли», 1921) (8, 615).

Некоторые женщины софийного рода в мире Платонова названы иначе, но сути это не меняет. Таковы, например, Лида в повести «Хлеб и чтение» (1932) и Москва Ивановна Честнова в романе «Счастливая Москва» (1933—1936).

Именно в свете гностики (например, Валентиновой) и античного стоицизма Платонов понимает подлинную любовь как быстрое сгорание души, да и всего мира, в божественном пламени («экпиросис» у стоиков): «После смертельной высоты жизни — любви и ясновидящей мысли — жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут. Такой человек все полюбил и познал до последнего восторга, и его тело рвется пламенной силой восторга. Больше ему делать нечего. Мир не живет, а тлеет. В этом его преступление и неискупимый грех. Ибо жизнь не должна быть длиннее мига, чем дальше жизнь, тем она тяжелее. Сейчас вселенная стоит на прямой дороге в ад... Зачем вспыхнуло солнце и горит и горит? Оно должно бы стать синим от пламени и не пережить мига. Вселенная — пламенное мгновение, прорвавшееся и перестроившее хаос. Но сила вселенной — тогда сила, когда она сосредоточена в одном ударе» («Поэма мысли», 1921) (1, 279).

Не удивительно, что при таких взглядах через все творчество Платонова проходит отвержение Пра-

вославия как исторически не состоятельной, тупиковой, исчерпавшей себя веры. Православие отвращало его прежде всего смиренным упованием на личного, вечного, благого триединого Бога, сотворившего и благословившего людей на бесконечное бытие в неповторимом душевно-телесном существе каждого человека.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 15-04-00093).

1. Миндлин М. Андрей Платонов // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 31.
2. Явич А. Думы об Андрее Платонове // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 25.
3. Платонов А.П. Собрание сочинений: [В 8 т.]. [Т. 1]. Усомнившийся Макар. Рассказы 20-х годов. Ранние рассказы. Написанное в соавторстве. Стихотворения. М.: Время, 2011. С. 462. Далее ссылки на это издание сочинений Платонова приводятся вслед за выдержками с указанием в скобках тома и страницы. В самом издании тома не были пронумерованы: Платонов А.П. Собрание сочинений: [В 8 т.]. [Т. 1]. Усомнившийся Макар. Рассказы 20-х годов. Ранние рассказы. Написанное в соавторстве. Стихотворения. М.: Время, 2011; [Т. 2]. Эфирный тракт. Повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011; [Т. 3]. Чевенгур. Роман. Котлован. Повесть. М.: Время, 2011; [Т. 4]. Счастливая Москва. Джан. Очерки и рассказы 30-х годов. М.: Время, 2011; [Т. 5]. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941 — 1945 годов. М.: Время, 2012; [Т. 6]. Сухой хлеб. Рассказы для детей. Русские сказки. Башкирские сказки. М.: Время, 2012; [Т. 7]. Дураки на периферии. Пьесы и сценарии. М.: Время, 2011; [Т. 8]. Фабрика литературы. Литературная критика. Публицистика. М.: Время, 2011.

4. См.: Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007. 544 с.
5. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 209.
6. Сургучев И.Д. Горький и дьявол // Возрождение. 1955. № 6. С. 22.
7. Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 314.
8. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Массонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П.Мельгунова.: В 2 т. М., 1991. Репринтное воспроизведение издания 1914—1915 гг. Т. 2. С. 94.

References

1. Mindlin M. Andrey Platonov. Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii. [Memories of contemporaries: Materials for biography]. Moscow, 1994, p. 31.
2. Yavich A. Dumy ob Andreye Platonove [Thoughts about Andrey Platonov]. Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii. Moscow, 1994, p. 25.
3. Platonov A.P. Sobraniye sochineniy: [V 8 t.]. [T. 1]. Usomnivshiysya Makar. Rasskazy 20-kh godov. Ranniye rasskazy. Napisannoye v soavtorstve. Stikhotvoreniya [Coll. of works in 8 vols, vol. 1]. Moscow, 2011, p. 462. [Further references on this edition are in round brackets with number of volume and page].
4. Kozyrev A.P. Solov'yev i gnostiki [Solov'yev and gnostics]. M., 2007. 544 p.
5. Platonov A.P. Zapisnyye knizhki. Materialy k biografii [Sketchpads. Biography materials]. Moscow, 2000, p. 209.
6. Surguchov I.D. Gor'kiy i d'yavol [Gor'kiy and devil]. Vozrozhdeniye, 1955, no. 6, p. 22.
7. Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii [Andrey Platonov: Memoirs of contemporaries. Biography materials]. Moscow, 1994, p. 314.
8. Sokolovskaya T.O. Obryadnost' vol'nykh kamenshchikov [Ritualism of Freemasons]. In: Mel'gunov S.P., ed. Massonstvo v yego proshlom i nastoyashchem in 2 vols, vol. 2. Moscow, 1991, p. 94. [Reprint of 1914—1915 ed.].